

19 20

ИСТОРИЯ

ЛИТЕРАТУРЫ

ДРЕВНЯГО И НОВАГО МІРА.

ТОМЪ II, КНИГА 1.

ИСТОРИЯ

ФРАНЦУЗСКОЙ

ЛИТЕРАТУРЫ,

СОСТАВЛЕНА **В. Костомаровымъ** по I. Шерру, Вильмэну, А. Мишбельсу, Ю. Шмидту, Г. Геттиеру, Эберту, Арндту, Ф. Шлоссеру, Д. Низару, Ф. Иделеру, Сент-Беву, Винé и др.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1864.

И С Т О Р І Я

ЛИТЕРАТУРЫ

ДРЕВНЯГО И НОВАГО МІРА.

ИСТОРІЯ

ЛИТЕРАТУРЫ

ДРЕВНЯГО И НОВАГО МІРА,

СОСТАВЛЕННАЯ

по

І. ШЕРРУ

И МНОГИМЪ ДРУГИМЪ ИСТОЧНИКАМЪ.

2.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1864.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

РОМАНСКІЯ ЗЕМЛИ:

1. ФРАНЦІЯ; 2. ИТАЛІЯ; 3. ИСПАНІЯ; 4. ПОР-
ТУГАЛІЯ; 5. МОЛДО-ВАЛАХІЯ.

ДОЗВОЛЕНО ЦЕНЗУРОЮ. С. ПЕТЕРБУРГЪ, 7-ГО МАЯ 1864 ГОДА.

ВЪ ТИПОГРАФИИ III ОТАВЪ, СОБСТВ. К. И. В. КАНЦЕЛЯРИИ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

ФРАНЦІЯ.

СОСТАВЛЕНО **В. Востомаровымъ** по І. Шерру, Вильмэну, А. Мишьяльсу, Ю. Шмидту, Г. Геттнеру, Эберту, Арндту, Ф. Шлоссеру, Д. Низару, Ф. Иделеру, Сент-Бёву, Винё и др.

ВВЕДЕНИЕ.

(ВЛИЯНІЕ ХРИСТИАНСТВА НА ЛИТЕРАТУРУ РОМАНСКИХЪ НАРОДОВЪ)

Въ твореніяхъ Лукіана (см. нашего изд. Ч. I, стр. 196), Ювенала (Ч. I, стр. 480), Петронія (Ч. I, стр. 553), Тацита (Ч. I, стр. 539), Светонія (Ч. I, стр. 537) и др., мы видимъ картину процесса разложенія древняго міра (*). Последній часъ такого отжившаго и перешедшаго въ полнѣйшій маразмъ, общества,—долженъ былъ пробить скорѣе. Зародышемъ новаго порядка вещей была христіанская идея, которая въ беззубую эпоху римскихъ императоровъ мало по малу развилась въ неодолимую духовную силу. Эта сила изнутри разшатала всѣ связи соціальнаго зданія древности, такъ, что всѣ части его, одна за другой, безвозвратно падали въ развалины подъ натискомъ германскаго племени, подъ ураганомъ великаго переселенія народовъ. Это страшное разрушеніе совершалось въ продолженіи почти пяти столѣтій и грозило до тѣхъ поразить культуру древняго міра, пока наконецъ, на рубежѣ 8-го и 9-го столѣтій, изъ всего этого выяснились два господствующія учрежденія новой эпохи: римское папство и германо-римское императорство,—два краугольных камня, на которыхъ зиждется все средневѣковье. Если отбросить всѣ умышленныя или не-

(*) Общую картину древняго и новаго міра въ эпоху паденія западной римской имперіи представляетъ превосходный трудъ *М. Стасюлевича*, недавно вышедшій подъ заглавіемъ: «Исторія Среднихъ вѣковъ въ ея писателяхъ и изслѣдованіяхъ новѣйшихъ ученыхъ». Сиб. 1863. (Стр. 78—254).

мысленныя прикрасы этого великаго періода, — то спокойному наблюдателю нашего времени онъ покажется варварскимъ, хотя было бы глупо ставить въ упрекъ средневѣковымъ людямъ то, что они мыслили, чувствовали и поступали такъ, какъ требовали того идеи ихъ времени. Руководительницею умовъ была церковь. Она въ продолженіи нѣсколькихъ столѣтій была охранительницею и раздавательницею образованія. Но въ природѣ западной догматики — хотѣть прогресса и поощрять его только до тѣхъ поръ, пока рѣшительная побѣда остается на сторонѣ ея воззрѣній. Какъ скоро дѣло культуры начинаетъ клониться къ перевѣсу надъ нею, — она дѣлается неумолимой противницей прогресса. Эту печальную истину на каждомъ шагѣ подтверждаетъ исторія: такъ было не только съ римскокатолической или византійской церковью, — но даже съ лютеранской, кальвинистской и англиканской. Не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что непомѣрно-огромные интеллектуальные результаты образованія, достигнутые западною Европою въ послѣдніе три столѣтія, пріобрѣтены ею не только не при посредствѣ ея церкви, но положительно противъ ея воли. Католическая церковь много мѣшала естественному и неизмѣнному ходу развитія человѣчества. По этому нѣтъ ничего удивительнаго, что она давнымъ давно существуетъ не только не самовеличіемъ своей идеи, — а съ одной стороны мыслительною лѣнностью и невѣденіемъ массъ, а съ другой — полицейской поддержкой. Вмѣстѣ съ формою новѣйшаго свѣтско-напскаго государства, судьба котораго виситъ на волоскѣ, — распадется и сила западной церкви, — такъ что римская глосса объ «вѣчномъ камени» Петровомъ и тому подобныхъ толкованіяхъ католицизма уже ничего не сдѣлаетъ противъ неизбежной силы фактовъ. Этическая сторона христіанства останется, — потому что она вѣчногуманна; но догматическое тѣло католицизма распадается отъ столкновенія съ могучими результатами новѣйшей культуры.

Первобытное христіанство побѣдило древній міръ возвышенностью и энергіей своего нравственнаго ученія (*). Пер-

(*) Нѣтъ сомнѣнія, что христіанство обязано побѣдой очевидному превосходству своего ученія и наконецъ — помощи

воыбитное христіанство было, предписанною самою исторіею, необходимою реакціей спиритуализма противъ преобладанія неукротимо-грубого сенсуализма. Когда карнавалъ періода римскихъ императоровъ дошелъ до безумной оргіи, — христіанство предписало человѣчеству печальное, но спасительное леченіе постомъ. Случилось то, что и должно было случиться, когда новый принципъ со всей свѣжестью, горечью

провидѣнія. «Но кому неизвѣстно, — замѣчаетъ Гиббонъ, — какъ рѣдко разумное и истинное находятъ себѣ радушный пріемъ у людей? Вотъ почему провидѣніе въ своей премудрости часто удостоиваетъ обращать наши страсти и ту временную обстановку, которая въ данный моментъ окружаетъ человеческое общество, въ орудіе къ приведенію въ исполненіе своихъ великихъ предначертаній. Вслѣдствіе того и историкъ обязанъ, питая вмѣстѣ со всѣми, благоговѣніе къ главной и первичной причинѣ быстрыхъ успѣховъ христіанской религіи, подвергнуть изслѣдованію только однѣ вторичныя (Secondary) причины... Между многими такими вторичными причинами торжества христіанства среди языческаго міра, самое важное мѣсто принадлежитъ *единоенію* и *дисциплинѣ* древнѣйшей христіанской общины, которая, въ нѣдрахъ развалившейся римской имперіи, образовала мало по малу государство свободное, силы котораго съ каждымъ днемъ становились все болѣе и болѣе значительными. — — — Первые предаты христіанства не имѣли никакой матеріальной силы, и впродолженіе долгаго времени свѣтская власть скорѣе унижала ихъ и притѣсняла, нежели поддерживала. Но уже и тогда они успѣли приобрести и воспользоваться для утвержденія себя въ кругу своей паствы, двумя могущественными рычагами правительства: *благотворительностью* и *правомъ наказанія*; первая имѣла для себя источникъ благотивную щедрость мірянъ; второе опиралось на ихъ религіозныя убѣжденія... Значительная часть добровольныхъ и свободныхъ приношеній христіанскаго народа поступала въ распоряженіе епископа, который употреблялъ эту сумму для поддержанія вдовъ, сиротъ, нѣмыхъ, больныхъ и стариковъ общины, для успокоенія чужестранцевъ и странниковъ и для облегченія страданій заключенныхъ и плѣнниковъ, особенно если ихъ страданія были слѣдствіемъ твердой привязанности къ дѣлу религіи. Великодушная любовь къ ближнему соединяла провинціи самыя отдаленныя; и какаянибудь небольшая община находила себѣ огромную поддержку въ приношеніяхъ болѣе богатыхъ общинъ, которыя съ радостью спѣшили облегчить своихъ нуждающихся собратьевъ. Это высокое учрежденіе, имѣвшее даже въ виду болѣе бѣдность, нежели заслуги, много способствовало успѣхамъ христіанства. Тѣ изъ язычниковъ, которые были воодушевлены сами челоуѣколюбіемъ, хотя и отвращались отъ ученія христіанъ, но не могли не отдать имъ

и исключительностью своих юношеских силъ, стремится противъ стараго. — «Христіанство, — говоритъ Жанъ Поль, — искоренило, какъ въ день страшнаго суда, весь чувственный міръ со всѣми его прелестями, снесло его въ одинъ надгробный холмъ, сдѣлало изъ него ступень небесной лѣстницы, и на мѣсто его воздвигло новый духовный міръ. Демонологія стала собственно міеологіей осязаемаго міра (Körperwelt) и дьяволы-обольстители облеклись въ образы людей и боговъ; все настоящее-земное испарилось въ будущее-небесное.» — Когда-то это было не однимъ стремленіемъ, а настоящей дѣйствительностью....

Поэтому христіанство въ началѣ было совершенно враждебно искусству и наукѣ. Гоненія, испытанныя христіанствомъ, довели его до односторонней нетерпимости и, сдѣлавшись могущественнымъ, оно не разъ съ слѣпымъ zeloизмомъ бросалось на сокровища древней культуры. Разрушеніе знаменовало путь торжества новой вѣры. Толпы zeloтовъ выходили изъ киновій и монастырей Оиваидской пустыни для разрушенія сокровищъ древняго искусства и науки. Великолѣпныя знанія, чудныя произведенія античнаго рѣзца падали въ обломки подъ фанатическимъ молотомъ монаховъ, сокровища библіотекъ гибли въ пламени (*); остатки поэтическаго генія и философскаго мышленія благочестивые отцы церкви отмѣчали печатью грѣховности и проклинали, какъ творенія са-

справедливости за ихъ благотворительность. Немедленная помощь и вѣрное покровительство привлекали въ нѣдра христіанской общины толпы несчастныхъ, которые, по равнодушію людей, были предоставлены въ добычу ужасамъ бѣдности, болѣзней и старости. Можно также думать, что большая часть новорожденныхъ, оставленныхъ родителями послѣ рожденія, вслѣдствіе безчеловѣчнаго обычая того времени, были часто спасаемы, крещены, воспитываемы и содержимы челоуколюбіемъ христіанъ и на счетъ общественной казны. — Gibbon. The history of the decline and fall of the roman empire.

(*) Такъ драгоценная библіотека александрійскаго серапеума уничтожена тамошнимъ архіепископомъ Теофиломъ, 389. «Около двадцати лѣтъ спустя видъ пустыхъ пространствъ все еще возбуждалъ жалость.... Gibbon, Decline and Fall of the Rom. Emp. Chap. 28.

таны. На развалинах веселаго культа жизни возсталъ новый культъ, говорившій о смерти и тлѣніи, вмѣсто образовъ «лжесуетнаго міра боговъ» явились реликвіи нетлѣнныхъ «святыхъ мощей». Но какъ только первое увлеченіе прошло, всякому мыслящему человѣку стало ясно, что попытка основать специфически — христіанскую культуру, отрицающую античный культъ изящному — есть только непрочная иллюзія. Несмотря на всю свою исключительность христіанская абстракція дошла — таки до того, что стала собирать матеріалы для пластическаго зданія новаго культа у только-что униженнаго и опозореннаго язычества. Въ то же время чувствовалась потребность дать новой религіи внѣшнюю обстановку, чтобы тѣмъ еще болѣе приблизить ее къ понятіямъ неразвитаго народа, то за пособіемъ рѣшились обратиться къ тѣмъ же античнымъ поэтамъ, которые прежде не разъ были предаваемы проклятію. Само собою разумѣется, что всѣ эти заимствованія были передѣланы сообразно съ цѣлями христіанскаго культа.

Христіанство, какъ мы увидимъ, только-что проявившійся въ формѣ католической церкви, уже начало послѣдовательно проводить эти начала, — тогда какъ первобытное христіанство, въ своей аскетической строгости недопускало: вовсе художественной разработки ученія и культа; относясь враждебно къ жизни, аскеты не могли не возставать и противъ ея лучшаго украшенія: — искусства. Все это опредѣляетъ и тонъ первобытно христіанской поэзіи, которая черпала свое вдохновеніе изъ поэзіи вѣтхозавѣтной. Провидящій элементъ пророческаго вдохновенія евреевъ проявился въ твореніи Іоанна, «Откровеніе» а псалмы дали христіанской лирикѣ основной тонъ, который вполне соответствовалъ сокрушенному удаленію отъ земной «юдоли плача». Форма, избранная древнѣйшими поэтами христіанства, была реминисценціей античныхъ формъ и оставалась ею еще долго; содержаніе — составляли преимущественно парафразы изъ евангелія, позднѣе — біографіи мучениковъ, изъ которыхъ въ послѣдствіи образовалось множество легендъ. Сверхъ того было сочинено очень много гимновъ, которые возвѣщали славу Спасителя, — и прославляли его то въ образѣ па-

Челано; нѣсколько позднѣе *Томасъ Аквинскій* (*Томас Аквинскій*) въ мистическомъ гимнѣ славитъ только-что установленный праздникъ тѣла Христова, *Бернардъ де Клерво* (*Bernhard de Clairvaux*) провозглашаетъ любовь чѣмъ-то въ родѣ христіанскаго стоицизма, монахъ *Иакопонусъ* пишетъ трогательную литанію «*Stabat mater*», (р. пер. Жуковскаго), а Кардиналъ *Даміани* въ своемъ гимнѣ о блаженствѣ рая обнаруживаетъ такой пылъ фантазіи, такую роскошь живописи, что составляетъ благодѣтельное исключеніе изъ сухой абстракціи того времени и нѣкоторымъ образомъ напоминаетъ изображеніе мусульманскаго рая въ коранѣ *).

Изъ римскоцерковнаго стихотворства вышла новолатинская поэзія, которая продолжалась въ ученomъ мірѣ до 18 столѣтія, но въ послѣдствіи освободилась отъ церковности, и строго подражая классической формѣ, разрабатывала эпические сюжеты въ тонѣ *Виргилія*, *Горация* и *Овидія*, или, въ формѣ

(*) Вотъ переводъ нѣсколькихъ строкъ этого гимна, написаннаго семистопнымъ дактилемъ съ спорадической (по три рیمы сряду) рیمовкой: «Кто изобразитъ блаженство въ мірѣ вѣчнаго сіянія,—гдѣ изъ живыхъ черловъ воздвигаются дворцы, гдѣ въ залахъ съ высокими сводами, столы сіяютъ серебромъ и золотомъ.—Изъ драгоценныхъ камней состроены дома этого града, золотомъ вымощены его улицы, на которыхъ нѣтъ ни грязи, ни нечистоты, и гдѣ шумъ почти не слышенъ.—Тамъ нѣтъ ни зимняго холода, ни лѣтняго зноя, тамъ зеленѣютъ лужайки, зрѣютъ жатвы, текутъ ручьи меда, и въ вѣчной веснѣ цвѣтутъ пурпурныя розы; — просачивается бальзамъ сквозь кору деревьевъ, какъ жаръ горитъ шафранъ, лиліи сіяютъ въ бѣлой одеждѣ, по долинамъ стелется благоуханіе дорогихъ ароматовъ и въ лѣсахъ зрѣютъ плоды безсмертія.—Солнце и мѣсяцъ здѣсь не яснѣе звѣздочки на збу агненка, потому что здѣсь пребываетъ самъ Агнецъ въ морѣ своего свѣта; здѣсь не заходимый день, и нѣтъ болѣе ни ночи, ни времени.—Святые тоже блестятъ какъ солнца, и ликуя, воздаютъ честь и славу одержаннымъ ими побѣдамъ, пересчитывая свои войны и полчища пораженныхъ враговъ.—Здѣсь исчезаетъ всякій проступокъ, соблазнъ и горе, тѣло дѣлается духомъ, тѣло и духъ—только однимъ сердцемъ; они наслаждаются вѣчнымъ миромъ: ибо здѣсь затихаетъ всякая распря.—Изъ живыхъ источниковъ они черпаютъ вѣчное обновленіе жизни; и, всегда юны, свѣтлы и чисты, не знаютъ ни грѣха, ни болѣзни, ни унынія. Такъ ведутъ они свою безконечную жизнь, ибо тамъ умерла смерть»... и т. д.

сатиры, выходила въ бой противъ глупостей и пороковъ, или проявлялась въ лирико-эротической формѣ. Съ 9-го по 18-е столѣтіе слѣдуетъ длинный рядъ новолатинскихъ поэтовъ и мы можемъ начать его рейхенаускимъ аббатомъ *Валафридомъ Страбономъ* († 849) и заключить кардиналомъ Мельхиоромъ *де Полиньякъ* († 1741; авторъ «Антилукреція»; см Ч. I, стр. 338). Между этими двумя именами стоятъ знаменитыя имена: — Гандерсгеймская монахиня *Ротснита*, *Іоаннъ Салисбѣрійскій*, *Абелярдъ*, *Вальтеръ Мансъ* (*Mihi est propositum*), *Петрарка*, *Боккаччіо*, *Полиціано*, *Санназаръ*, *Понтанусъ*, *Феликсъ Геммерлинъ*, *Рейхлинъ*, *Эразмъ*, *Ульрихъ фонъ Гуттенъ*, *Іоаннъ Секундусъ*, *Вуда*, *Бухананъ*, *Фришлинъ*, *Бальде*, *Лотихіусъ*, *Юстусъ Скалигеръ*, *Гуго Гроцій* (*Hrotsnith*, *Iohannis Salisburgiensis*, *Abaelardus*, *Gualter Mapes*, *Petrarca*, *Boccatus*, *Politianus*, *Sannasarus*, *Pontanus*, *F. Hemmerlin*, *Reuchlin*, *Erasmus*, *Ulrich v. Hutten*, *Iohannes Secundus*, *Vida*, *Buchanan*, *Frischlin*, *Balde*, *Lotichius*, *Justus Scaliger*, *Hugo Grotius*). Со многими изъ этихъ писателей мы еще встрѣтимся ниже. Въ эти и безчисленное множество другихъ, писавшихъ полатини поэтовъ, сохраняя воспоминаніе о духѣ и формахъ классической древности, безъ сомнѣнія дѣйствовали благотворно на своихъ современниковъ. Но, какъ и во всякой литературѣ, въ которой употребляется языкъ мертвый, эта латинская поэзія имѣла значеніе только въ одномъ кружкѣ ученыхъ. Самостоятельнаго, художественнаго значенія она не достигла, а развитію національных литературъ болѣе мѣшала, чѣмъ способствовала. Поэтому, сказавъ о новолатинской поэзіи нѣскольکو словъ, мы можемъ оставить ее въ покоѣ.

Буря великаго переселенія народовъ раскидала римскій міръ въ развалины и напоромъ бодрой силы повалила наземъ его обрюзглую цивилизацію. Но вмѣстѣ съ тѣмъ эта гроза очистила атмосферу всемірной исторіи и ввела свѣжую, здоровую кровь въ пересохшія жилы общественнаго тѣла. Одна изъ

сломали слишком тонкое спиритуалистическое остріе, которыми заканчивалось христіанство, и, придавъ новой религіи форму католицизма, сблизили ее съ жизнью и человѣкомъ на столько, на сколько допускало этого ея сущность. Южные народы всегда были склонны къ наслажденію и приходъ сѣверныхъ племенъ до такой степени освѣжилъ и укрѣпилъ ихъ, что имъ уже не могла прійтись по праву религія въ томъ видѣ, какъ исповѣдывали ее первохристіане въ пустыняхъ оиваидскихъ. Поэтому народы юга преобразовали христіанство въ католицизмъ, т.-е. въ чувственный культъ, который создалъ себѣ нѣкоторымъ образомъ мнѳологию, перенесъ идеалы языческихъ боговъ, богинь и геніевъ на святыхъ, если не прямо освятилъ, то терпѣлъ наслажденіе жизнью и оставилъ грѣшникамъ путь въ царствіе небесное сквозь широкую дверь церковныхъ индульгенцій. Отъ небеснаго царствія и ада, — слѣдовательно, *того свѣта, будущей жизни*, католицизмъ, конечно, не могъ отказать, не уничтоживъ самаго себя, но онъ не упустилъ ничего изъ виду, чтобы устроиться на этомъ свѣтѣ, какъ можно удобнѣе и пріятнѣе: своимъ посредничествомъ онъ смягчилъ грубость феодальной тиранніи; благодаря устройству своей іерархіи пріобрѣлъ симпатіи народа и спасалъ его, съ одной стороны, своими благотворительными учрежденіями отъ голода, а съ другой, эстетическимъ наслажденіемъ, представляемымъ пышнымъ церемоніаломъ его божественной службы — отъ скотскаго загроубнѣнія; онъ хотѣлъ дѣйствовать на нравы и умы людей, и поэтому не могъ обойтись безъ поэтическаго слова, музыки и живописи; и введеніемъ ролигіозныхъ представленій (мистерій, миракли, моралитеты) сдѣлался основателемъ новѣйшей драмы (*).

(*) «Хотя строгіе учителя и законодатели новой церкви и старались силой подавить все, что напоминало о древнемъ суевѣріи, но зато, другіе дальновидные и вліятельные люди пришли къ убѣжденію, что было-бы благотворнѣе поощрить глубоко укоренившіяся привычки, и стараться только дать имъ